

зации проявляли особое внимание к женщинам-партизанкам и следили за тем, чтобы уважение и товарищеское отношение к ним были нормой для всех партизан.

Материальный быт партизан Украины, оказывавший огромное влияние на их боеспособность, определялся тяжелой борьбой в тылу врага. Партизаны терпели серьезные лишения, отсутствовали или были деформированы многие привычные черты довоенного социалистического быта. И тем не менее сохранялась главная характеристика последнего: традиция коллективистских, социалистических взаимоотношений между советскими людьми.

Г. Е. Марков

СОВЕТСКИЕ ЭТНОГРАФЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ *

К началу Великой Отечественной войны советская этнография прошла длительный путь развития и стала одной из ведущих отраслей исторической науки. В значительной степени это было связано с тем, что с первых лет Советской власти этнографы, следуя прогрессивным традициям дореволюционной этнографической науки, активно включались в решение актуальных практических и теоретических проблем того времени. Интенсивно развернулся процесс утверждения в этнографии марксистской методологии, завершившийся в предвоенные годы¹. В 1926 г. был основан журнал «Этнография» (с 1931 г. — «Советская этнография»). В 1933 г. в Ленинграде на базе Музея этнографии и антропологии был создан институт, реорганизованный в 1937 г. в Институт этнографии АН СССР².

В 1939 г. была основана кафедра этнографии Московского университета. Велась подготовка этнографов в Ленинградском и Казанском университетах, начатая еще в первые годы Советской власти. Этнографическая тематика разрабатывалась также в Музее народов СССР и в Центральном антирелигиозном музее (Москва), в институтах и музеях республик и областей. В 1930-е годы центральные и периферийные этнографические учреждения развернули работу по изучению материальной

* Статья основана на материалах Архива Института этнографии АН СССР. Используются также публикации: Рабинович М. Г. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны. — Советская этнография (далее — СЭ), 1946, № 1; Степанов Н. Н. В Институте этнографии АН СССР. — В кн.: Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 1. М., 1946; Кольцов В. А. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М. — Л., 1962; Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXII, М. — Л., 1964; Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М. — Л., 1966; Лавров Л. И. В осажденном Ленинграде — СЭ, 1975, № 4; Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — Там же; Станюкович Т. В. Этнографические музеи в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — СЭ, 1975, № 5; *ее же*. Этнографическая наука и музеи (по материалам музеев Академии наук)/Под ред. Рабиновича М. Г. Л.: Наука, 1978.

Встречающиеся в тексте расхождения в цифровых данных, в обозначении тем и названий секторов объясняются некоторой противоречивостью архивных сведений.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 197, 198; *его же*. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (к 50-летию орден Дружбы Народов Института этнографии АН СССР). — СЭ, 1983, № 2; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии. — В кн.: Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М.: Наука, 1975; *их же*. Орден Дружбы Народов Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая — 50 лет. — СЭ, 1983, № 4.

² Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 7; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 199.

и духовной культуры и фольклора народов нашей страны. Успешно пополнялись коллекции этнографических музеев. Этнографы рассматривали многие важные проблемы теории советской этнографической науки: ее предмет и содержание, значение этнографических материалов для реконструкции истории первобытного общества с марксистско-ленинских позиций. В соответствии с задачами, которые выдвигались Партией и Правительством, был поставлен вопрос о необходимости изучения проблем современности, социалистических преобразований в культуре и быте народов СССР. Была продолжена начатая еще в 1920-е годы практическая работа по подъему культуры отсталых ранее народов, в частности народов Севера. Крупной задачей советских этнографов стала подготовка трехтомника «Народы СССР» и краткого справочника по народам мира³.

Тяжелые испытания принесла нашей стране, всему советскому народу Великая Отечественная война. Несмотря на трудности долгих военных лет и значительные людские потери, этнографическая наука сумела с честью выйти из выпавших на ее долю испытаний и благодаря беззаветному труду этнографов, а также огромной помощи государства пришла к Дню Победы окрепшей и готовой к выполнению новых задач.

Институт этнографии существовал до начала 1943 г. только в Ленинграде. В первые же дни войны 18 сотрудников Института ушли на фронт, 7 из них — добровольцами в Ленинградскую армию народного ополчения. На Ленинградском, Волховском, Степном, 1 и 2-м Украинских фронтах, на Балтике они самоотверженно сражались за свободу и независимость нашей родины; 10 человек отдали за нее свои жизни⁴.

В годы войны, даже в тяжелейший период блокады Ленинграда, научная работа в Институте не прекращалась. Перед оставшимися в городе сотрудниками встала задача сохранения музейных коллекций. Их упаковали в ящики, однако после того, как в сентябре 1941 г. вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады, вывезти музейные ценности из города не удалось. Были проведены работы по переоборудованию подвалов музея в бомбоубежище, и там укрыли часть коллекций и библиотеку; 125 ящиков с музейными предметами были переданы на хранение в Эрмитаж. Бомбоубежище не было приспособлено для хранения ценностей, и находящиеся в нем вещи начали отсыреть. Это привело к необходимости постоянно, несмотря на бомбежки и артобстрелы, их проветривать. Часть музейных предметов была возвращена в залы музея, где в зависимости от направления артиллерийского огня их приходилось перемещать с места на место. Сотрудники Института — женщины, пожилые и больные люди — самоотверженно боролись за спасение музейных ценностей и здания Музея, тушили многочисленные зажигательные бомбы, а также принимали активное участие в постройке оборонительных сооружений города. Для защиты здания Музея от пожара, на чердаке было организовано круглосуточное дежурство сотрудников. В 1942 г. по приказу командования Ленинградским фронтом здание Института было переоборудовано в опорный пункт обороны. На прилегающих к нему улицах были построены оборонительные сооружения с системой дзотов и проволочными заграждениями. Окна Музея были заложены мешками с песком и кирпичами и превращены в огневые точки⁵. С первых дней войны часть сотрудников была переведена на круглосуточное казарменное положение. Однако вскоре из-за физического истощения и отсутствия городского транспорта в здание Музея переселились почти все сотрудники. Огромного напряжения сил требовали заготовка дров для отопления Института, уборка снега на улице. В ночь на 18 ок-

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 199; Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974, с. 20; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Указ. раб., с. 12 и сл.

⁴ Лавров Л. И. Указ. раб., с. 3.

⁵ Там же, с. 3, 4.

тября от зажигательной бомбы в башне Музея возник пожар, который общими усилиями сотрудников удалось потушить⁶.

Тяжелейшей оказалась блокадная зима 1941/42 г. Как отмечалось в отчете Института, жизнь в нем постепенно замирала, все сотрудники были больны дистрофией и цингой. За время блокады от голода и болезней умерли 33 человека. Вместе с убитыми на фронте Институт потерял больше половины (43) сотрудников (до войны их было 83). Тем не менее коллектив Института успешно боролся за сохранение Музея и даже вел научные исследования. Так, в декабре 1941 г. этнографы приняли участие в работах пленума Института истории материальной культуры АН СССР. Продолжалась подготовка одной докторской и двух кандидатских диссертаций⁷. Весной 1942 г. возобновилась прерванная войной работа над справочником «Народы мира»⁸.

В начале 1942 г. большая часть сотрудников Института, переживших первую блокадную зиму, была эвакуирована в Среднюю Азию, главным образом в Ташкент, где и начала свою работу ташкентская группа этнографов.

По сравнению с довоенным временем штат Института (ленинградская и ташкентская группы) уменьшился с 58 до 29 научных и с 25 до 8 научно-технических сотрудников. Почти опустели отделы антропологии (осталась лишь Б. В. Фирштейн) и Кавказа, часть заведующих отделами не имела постоянной связи со своими сотрудниками, разбросанными войной по городам Средней Азии⁹.

Оставшаяся в Ленинграде группа этнографов состояла из 14 человек: уполномоченного по Институту Р. И. Каплан-Ингеля, 4 научных (К. В. Вяткина, В. В. Антропова, В. В. Федоров и М. Д. Торэн) и 9 технических сотрудников¹⁰. Тем не менее возложенную на нее большую и ответственную задачу она выполнила с честью: основные музейные коллекции были сохранены¹¹.

Ташкентская группа этнографов несмотря на трудности, связанные с эвакуацией и организационным периодом, сумела уже в 1942 г. развернуть интенсивную научную деятельность. Разрабатывались проблемы, связанные с изучением этнического состава стран, где велись военные действия, продолжалось этнографическое изучение народов Средней Азии¹². В годы эвакуации, особенно в 1943 и 1944 гг., ташкентская группа стала центром, вокруг которого сосредоточились научные исследования в области не только этнографии, но и ряда смежных дисциплин.

Переломным этапом в развитии советской этнографии был конец 1942 — начало 1943 г. Постановлением Президиума АН СССР от 22 декабря 1942 г. было разрешено организовать московскую группу этнографов. Возглавил ее С. П. Толстов. В короткий срок он сумел собрать творческую группу, в которую вошли крупные ученые, работавшие в других учреждениях¹³, и уже в феврале 1943 г. она начала серьезную исследовательскую работу. Первоначально московская группа этнографов включала 27 научных сотрудников (в их числе — 9 профессоров и докторов наук, 3 доцента и кандидата наук) и 9 аспирантов¹⁴. Штат Института был таким образом увеличен до 64 человек (научных сотруд-

⁶ Там же, с. 4.

⁷ Там же, с. 5. См. также: *Кольцов В. А.* Указ. раб.

⁸ *Лавров Л. И.* Указ. раб., с. 5.

⁹ Архив Института этнографии АН СССР, ф. 1, оп. 1 (далее Архив ИЭ), д. 8, л. 3.

¹⁰ *Лавров Л. И.* Указ. раб., с. 6. По данным отчета Института за 1943 г., ленинградская группа включала 21 научного и научно-технического сотрудника, см.: Архив ИЭ, д. 8, л. 18.

¹¹ Это было отмечено при подведении в 1943 г. итогов работы Института за время войны. См.: Архив ИЭ, д. 10, л. 3.

¹² Там же, л. 2.

¹³ *Рабинович М. Г., Токарев С. А.* Указ. раб., с. 8.

¹⁴ Доктора наук: С. П. Толстов, С. А. Токарев, В. В. Бунак, Б. А. Рыбаков, Г. Ф. Дебец, В. К. Никольский, А. А. Шийк; кандидаты наук: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова; не имеющие научной степени: М. Г. Рабинович, Е. М. Шиллинг и др. (см. Архив ИЭ, д. 10, л. 2).

ников — 41). К ташкентской группе Института была прикомандирована Комиссия по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР, возглавлявшаяся А. Д. Удадьцовым; кроме того, в ташкентскую группу была включена Группа карт народов. Перед Институтом была поставлена задача актуализации исследований, в том числе расширения тематики публикаций в сборниках «Советская этнография», повышения теоретического уровня работ, более тесного сотрудничества с учеными смежных специальностей¹⁵. В частности, была признана необходимость более широкого привлечения при этнографических исследованиях данных антропологии и фольклора¹⁶. Директором Института этнографии, ставшего головным этнографическим учреждением страны, был назначен С. П. Толстов. Отделы Института возглавили известные ученые: В. В. Бунак (отдел Антропологии), С. А. Токарев (Австралии и Океании), М. О. Косвен (Кавказа), Б. А. Рыбаков (Археологии)¹⁷.

Тематика научных исследований Института была весьма разнообразной. Так, в соответствии с планом работы на 1943 г., осуществлялись: изучение этнического состава районов, находящихся в зоне военных действий; комплексное этнографическое исследование отдельных стран и групп народов, представляющих, как указывалось в плане Института, особый интерес в период послевоенного устройства мира; разработка проблем этногенеза и историко-культурных связей народов СССР; критика фашистских фальсификаций в области антропологии и этнографии; исследования по различным частным проблемам этнографии и антропологии и истории науки; подготовка обобщающих трудов и монографий; разработка музейной проблематики¹⁸. Было решено вместо краткого справочника по народам мира, работа над которым уже началась, подготовить многотомную серию «Народы мира»¹⁹. При этом каждая из трех групп Института сосредоточила внимание на определенном круге проблем. В задачи московской группы входило в первую очередь исследование вопросов, связанных с этнической ситуацией в зоне военных действий. Ташкентская группа, также участвовавшая в этих исследованиях, кроме того разрабатывала вопросы этнографии Средней Азии и некоторых других регионов СССР. Ставилась также задача развертывания полевых этнографических работ в Средней Азии, ограничивавшихся в 1942 г. отдельными поездками сотрудников Института. Ленинградская группа, основной задачей которой было сохранение музейных коллекций, вела большую научную и методическую работу, связанную с подготовкой Музея к открытию после окончания войны как Музея этнографии народов мира, тесно связанного с Институтом²⁰. В августе — сентябре 1943 г. в Ленинграде была создана научно-исследовательская группа Института по изучению религии (руководитель — Ю. П. Францев)²¹.

Таким образом, объем научно-исследовательской работы во всех трех группах Института в 1943 г. был весьма значительным и постепенно увеличивался. Так, за год Институтом в тесном взаимодействии с другими научными учреждениями было проведено несколько научных сессий: в Ташкенте — по теоретическим проблемам первобытного искусства, в Самарканде — по этнографии Средней Азии, в Москве — по вопросам этногенеза славян и сессия, посвященная памяти Д. И. Анучина. В работе сессий приняло участие более 400 человек. В Москве и Ташкенте регулярно проводились пленарные заседания Института. В 1943 г. состоялось более 160 заседаний, на которых было прочитано 160 докладов²².

Научные доклады и исследования этнографов и антропологов в тот трудный военный год отличались теоретической глубиной. Рассмотреть их все здесь невозможно, поэтому остановимся лишь на некоторых.

¹⁵ Архив ИЭ, д. 8, л. 3 об.

¹⁶ Там же, д. 10, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 2.

¹⁸ Там же, д. 8, л. 6.

¹⁹ Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 9.

²⁰ Архив ИЭ, д. 10, лл. 2—6.

²¹ Там же, д. 8, л. 19.

²² Там же, л. 13.

Ряд интересных докладов был прочитан этнографами и антропологами — сотрудниками прикомандированной к Институту Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР, а также представителями других научных учреждений, на сессии, посвященной проблемам этногенеза (Ташкент, 27 августа — 3 сентября 1943 г.). Центральными на сессии были доклад А. Д. Удальцова «Теоретические основы этногенетических исследований» и два доклада С. П. Толстова: «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии» и об этногенетических проблемах, связанных с областями, примыкающими к Аральскому морю (название последнего доклада в архивных документах нет). Выводы А. Д. Удальцова и С. П. Толстова вызвали оживленное обсуждение, причем дискуссия развернулась в основном вокруг определения понятий «нация» и «народность», а также по вопросу о происхождении различных народов Средней Азии²³. Внимание участников сессии привлекли и доклады Л. В. Ошанина («Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии»), А. Н. Бернштама («Древние тюркские элементы в этногенезе народов Средней Азии»), М. М. Герасимова («Восстановление типа ископаемого человека и его значение для разработки этногенеза узбеков»), Г. Ф. Дебеца («Данные антропологии о происхождении туркмен»), А. Ю. Якубовского («Из истории этногенеза туркменского народа. VIII—X вв.»), Н. А. Кислякова («К вопросу об этногенезе таджиков») и некоторые другие. В постановлении сессии констатировались актуальность разработки проблем этногенеза народов Средней Азии и необходимость разоблачения фашистских фальсификаций в области этногенеза. Были отмечены также значительные успехи в изучении этногенеза народов Средней Азии и высокий методологический уровень исследований²⁴.

Этнографы из ташкентской группы приняли участие в сессии по этногенезу славян (декабрь 1943 г.). Особый интерес на ней вызвали доклады А. Д. Удальцова («Основные задачи изучения славянского этногенеза»), Г. Ф. Дебеца («Антропологические данные о формировании славянских племен»), С. П. Толстова («Среднеазиатская предистория Руси»). Докладчики уделили значительное внимание критике фальсификации этногенеза славян националистически и шовинистически настроенными германскими учеными. В обсуждении докладов участвовали М. Н. Тихомиров, В. И. Пичета, А. В. Арциховский, В. В. Бунак, Т. С. Пассек и другие крупные ученые²⁵.

На торжественном заседании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном 100-летию со дня рождения Д. Н. Анучина, от Института этнографии выступили с докладами С. П. Толстов («Анучин и русская этнография») и В. В. Бунак (об Анучине как антропологе)²⁶.

Интересные доклады обсуждались и на заседаниях отделов. Можно назвать доклады В. В. Бунака («Взаимоотношение этнических и расовых группировок»), поставившего проблему антропологической классификации народов мира²⁷, Н. Н. Чебоксарова («Этническая история Русского Севера по данным антропологии»), М. О. Косвена («Этногенез немецкого народа и немецкие племена») и С. А. Токарева (в связи с подготовляемой монографией о народах Чехословакии)²⁸.

Едва ли надо перечислять здесь все проблемы, исследовавшиеся советскими этнографами в 1943 г. Общий объем выполненных работ был достаточно велик (191 авт. л., из них 44 — внеплановые работы)²⁹. Остановимся лишь на самых, на наш взгляд, важных трудах. К их числу

²³ Там же, д. 1, лл. 1—10, 11—30, 52.

²⁴ Там же, д. 1—7.

²⁵ Там же, д. 11—15.

²⁶ Там же, д. 20, лл. 27 и сл., 41 и сл.

²⁷ Там же, д. 18.

²⁸ Там же, д. 21.

²⁹ Там же, д. 8, л. 11

следует прежде всего отнести исследования, проводившиеся под руководством С. П. Толстова и Г. Ф. Дебеца для многотомной серии «Народы мира». Были подготовлены рукописи о народах Северной Африки и Индонезии, о славянах и немцах³⁰. В области изучения этногенеза и историко-культурных связей народов СССР проводились исследования расового состава германских племен (Н. Н. Чебоксаров), соотношения этнической и антропологической классификаций (В. В. Бунак), расового состава народов Северной Азии (Г. Ф. Дебеч), этногенеза славян в свете данных антропологии (Т. А. Трофимова)³¹. Ряд работ был посвящен критике фашистских фальсификаций в области этнографии и антропологии (исследования В. К. Никольского «Против геополитики и расизма в этнографии», М. О. Косвена «Против фашистской фальсификации истории первобытного общества», А. А. Шийка «Истоки немецко-фашистской африканистики»)³². Продолжалась подготовка тома «Народы СССР» серии «Народы мира» (работой над разделом «Средняя Азия» руководили С. П. Толстов, Н. Н. Степанов, С. М. Абрамзон, «Северная Азия» — С. А. Токарев, Н. Н. Степанов, А. А. Попов)³³. Готовился ряд монографий, главным образом в виде диссертаций (С. А. Абрамзон — «Киргизы», А. А. Попов — «Нганасаны», Л. Б. Панек — «Мтиулы»)³⁴. Интенсивно велись исследования отдельных проблем этнографии и антропологии, нашедшие отражение в рукописях «Первобытные общины Африки» (Д. А. Ольдерогге), «Так называемая пигмейская проблема» (М. Г. Левин), «История изучения Африки» (А. А. Шийк), «Межобщинные связи в Индонезии» (Л. Э. Каруновская), «Религия Бенина» (Б. И. Шаревская) и др.³⁵. С. П. Толстовым была представлена рукопись «Среднеазиатская предыстория Руси», С. А. Токаревым — «Родовые пережитки у хакасов». А. А. Шийком — «Классификация африканских народов», М. О. Косвеню — «История легенды об амазонках», Е. М. Шиллингом — «Народ уг-бук (Кубачи) и его культура», Н. Н. Чебоксаровым — «Краниологические типы Восточной Азии»³⁶. Однако вследствие трудностей военного времени ни одно исследование (кроме монографии о чехах К. А. Пушкаревича) не вышло в эти годы в свет.

В крайне тяжелых условиях продолжали научную работу сотрудники ленинградской группы. К. В. Вяткина исследовала наскальные изображения Саяно-Алтайского нагорья, В. В. Антропова — военное дело и военную организацию у народов Восточной Сибири, Р. И. Каплан разрабатывал технику экспозиции этнографических музеев³⁷.

Большое внимание уделялось подготовке научных кадров, так как по ряду специальностей ощущалась их острая нехватка. Как отмечалось в предварительном отчете Института этнографии Отделению истории и философии в декабре 1943 г., необходимо было готовить специалистов по этнографии народов Западной Европы, Южной Америки, Индии, Передней Азии, картографии и статистике³⁸. В связи с этим был значительно увеличен прием к докторантуру и аспирантуру. Так, в Москве в июле 1943 г. было всего 2 докторанта, а к концу года их стало 10. Аспирантов в Москве в первом полугодии было 5, а к концу года — 13 (в Ташкенте — 1 аспирант). В связи с трудностями блокадного периода в Ленинграде докторантов и аспирантов не было.

В 1943 г. Н. Н. Степанов, М. О. Косвен и В. К. Никольский защитили докторские, а С. М. Абрамзон и М. Г. Рабинович — кандидатские диссертации. Подготавливалась докторская диссертация Д. А. Ольде-

³⁰ Там же, л. 7.

³¹ Там же, л. 8.

³² Там же, л. 8, 8 об.

³³ Там же, лл. 8 об., 9.

³⁴ Там же, л. 9.

³⁵ Там же, лл. 9 об., 10.

³⁶ Там же, л. 10 об.

³⁷ Там же, л. 10.

³⁸ Там же, л. 5 об.

рогге, кандидатские — Е. М. Шиллингом и М. Д. Торэн. В 1943 г. удалось значительно пополнить штат Института³⁹.

Трудности военного времени сказались на экспедиционной работе, которая свелась к отдельным поездкам и командировкам главным образом сотрудников ташкентской группы Института в различные районы Средней Азии в связи с подготовкой многотомника «Народы СССР». Так, Е. Э. Бломквист выезжала в Приаралье для этнографического исследования местного русского населения, Е. М. Пещерева собирала материалы по женскому гончарству в Шахрисябзе и Китабе, И. Н. Винников изучал среднеазиатских арабов. Кроме того, научные сотрудники Института выезжали в этнографические музеи Средней Азии для выявления хранящихся там этнографических материалов⁴⁰. Некоторые работники республиканских и областных этнографических учреждений (например, из Ашхабада, Самарканда, Душанбе, Казани и др.) также выезжали для сбора полевых этнографических материалов, однако документальных данных об этом обнаружить не удалось.

Сотрудники московской группы Института принимали участие в выполнении ответственных государственных заданий по определению ущерба, нанесенного фашистскими войсками на временно оккупированной территории. Так, например, по заданию Комиссии по фиксации разрушений, причиненных фашистскими захватчиками, С. А. Токарев, Е. М. Шиллинг и В. Н. Белицер обследовали руины музея в г. Истре⁴¹.

С осени 1943 г. возобновилась подготовка этнографов на кафедре этнографии исторического факультета Московского университета, где читали лекции и вели семинарские занятия С. П. Толстов (заведующий кафедрой), Б. А. Рыбаков, С. А. Токарев и др.⁴².

Таким образом, в рассматриваемое время этнографическая деятельность сосредоточивалась главным образом в трех группах Института этнографии и на кафедре этнографии МГУ. Другие этнографические учреждения либо временно не функционировали, либо объем их этнографических исследований был крайне ограничен.

В целом 1943 год был для советской этнографии временем развертывания научных исследований, возобновления подготовки молодых специалистов и научных кадров, расширения сфер деятельности. Достигнутый успех в значительной мере определялся созданием представительной московской группы, ставшей основой Института этнографии⁴³.

В 1944 г. организационная перестройка Института была в основном завершена. Еще шире развернулись научно-исследовательская этнографическая деятельность и полевые экспедиционные работы, более активно включились в них другие этнографические учреждения. Важным событием стало расширение деятельности кафедры этнографии Московского университета, что позволило уже вскоре после окончания Великой Отечественной войны начать там подготовку аспирантов.

В 1944 г. штат Института пополнился еще 17 сотрудниками. В нем работали 2 члена-корреспондента АН СССР (Д. К. Зеленин и А. Д. Удальцов)⁴⁴, 12 докторов и 16 кандидатов наук. Из Ташкента вернулись в Ленинград Н. Н. Степанов (заместитель директора), А. А. Попов, И. И. Зарубин, Н. В. Кюнер, Д. А. Ольдерогге, Г. М. Василевич и др. Начали свою научную деятельность В. В. Гинзбург (в Ленинграде), П. И. Кушнер, В. Ю. Крупянская (в Москве) и др.⁴⁵. В московской группе Института действовал представительный Ученый совет, в который входило более 30 крупных исследователей⁴⁶.

³⁹ Там же, л. 5.

⁴⁰ Там же, л. 17 об.

⁴¹ Там же, л. 11 об.

⁴² Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 16.

⁴³ См. Отчет Института за 1943 г. (Архив ИЭ, д. 8, л. 19).

⁴⁴ Архив ИЭ, д. 35, л. 5.

⁴⁵ Там же, д. 25, л. 5.

⁴⁶ Там же, д. 35, л. 7.

В Институте были организованы новые отделы: Фольклорная комиссия (руководитель П. Г. Богатырев), группа Сибири (М. Г. Левин) и секция Востока (С. П. Толстов)⁴⁷.

1944 год был ознаменован еще более широкой, чем в 1943 г., программой научных исследований. Велось изучение этнического состава мира, этногенеза, начались комплексные этнографические описания отдельных стран и групп народов. Продолжалась подготовка обобщающего этнографического издания — многотомной серии «Народы мира»: томов «Средняя Азия», «Северная Азия», «Европа», «Кавказ», «Австралия, Океания и Америка», «Африка», «Восточная Европа»⁴⁸. В этой работе участвовали московская и ташкентская группы этнографов. В последней к середине 1944 г. осталось по 5 старших и младших научных сотрудников, 1 аспирант и 1 докторант. В их задачу входило продолжение исследований по этнографии народов Средней Азии и Сибири для серии «Народы мира». А. А. Попов занимался изучением нганасан и эскимосов Аляски 30—40-х годов XIX в., Л. Э. Каруновская — межобщинных отношений в Индонезии⁴⁹. Сотрудники ленинградской группы помимо работы с коллекциями все более активно включались в научные исследования. Д. А. Ольдерогге, например, работал над проблемой «Патриархальная семья у народов Африки», В. В. Антропова продолжала изучение военной организации у народов Сибири⁵⁰. В связи с исследованиями этнического состава различных стран мира отделом картографии московской группы был составлен ряд сводных таблиц и карт⁵¹.

Круг проблем, разрабатывавшихся в Институте этнографии, был очень велик, поэтому мы назовем наиболее значительные из них. Одно из центральных мест в тематике Института занимала, как и в прошлые годы, проблема этногенеза. На совместном заседании Ученого совета Института этнографии и Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР были обсуждены доклады А. Д. Удальцова и С. П. Толстова о происхождении индоевропейцев⁵². Этногенетическим проблемам были посвящены работы В. В. Бунака («Памиро-Альпийский горный пояс и его роль в древнейшем расселении человечества») и М. Г. Левина («Вопросы этногенеза народов Амура и Охотского побережья в свете данных антропологии») ⁵³. Проблему этногенеза восточных славян в свете данных антропологии изучала Т. А. Трофимова. Осуществлялось комплексное исследование народов Европы. Под руководством Г. Ф. Дебеца разрабатывалась проблема «Этногенез народов Северо-Восточной Азии в связи с этногенезом народов Америки»⁵⁴. Нельзя не отметить и исследование М. Г. Левиным проблемы пигмеев, изучение С. М. Абрамзоном киргизского эпоса «Манас» как этнографического источника. Значительные работы велись по фольклору, готовился сборник текстов «Славянские песни и сказки» под редакцией П. Г. Богатырева и С. П. Толстова⁵⁵. В целом же научная продукция Института в 1944 г. составила 40 работ общим объемом 120 авт. л. Кроме того, была выполнена значительная работа справочного характера (70 авт. л.)⁵⁶. Но и в 1944 г. условия военного времени не позволили приступить к публикации, хотя в издательство были сданы тома VI—VII (сдвоенный выпуск) и VIII сборника «Советская этнография». Были подготовлены к печати том IX «Советской этнографии», сборник Музея антропологии и этнографии, а также сборник, посвященный памяти Д. Н. Анучина⁵⁷.

⁴⁷ Там же, д. 25, лл. 33, 34.

⁴⁸ Там же, л. 3.

⁴⁹ Там же, лл. 47, 50.

⁵⁰ Там же, лл. 3, 15.

⁵¹ Там же, л. 8.

⁵² Там же, д. 33, лл. 1 и сл.

⁵³ Там же, д. 25, л. 10.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, лл. 4, 15.

⁵⁶ Там же, л. 20.

⁵⁷ Там же, л. 35.

Бурное развитие научных исследований нашло выражение также в многочисленных докладах на конференциях и заседаниях. В июле было проведено уже упоминавшееся заседание о происхождении индоевропейцев. Серия докладов была прочитана в ходе обсуждения проблемы аккультурации в этнографии и проблемы соотношения этнических и иных исторических категорий⁵⁸. Всего во всех группах Института было заслушано более 130 докладов. Так, в Ленинграде обсуждались доклады Д. А. Ольдерогге («Система родства типа кроу»), А. Н. Бернштама (о проблемах этнографии Киргизии) и др. В Ташкенте прошли Первая конференция по фольклору и этнографии Средней Азии и 24 заседания⁵⁹. Особенно интенсивной была научная деятельность в Москве, где за год было прочитано более 100 докладов⁶⁰.

Большие успехи были достигнуты в 1944 г. в подготовке научных кадров. В начале года в Институте этнографии насчитывалось 5 докторантов и 16 аспирантов, к середине 1944 г. — 11 докторантов⁶¹, а к концу года было уже 12 докторантов и 22 аспиранта (18 в Москве, 3 в Ленинграде и 1 в Ташкенте)⁶². Е. М. Шиллинг защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кубачи». Были подготовлены и представлены к защите докторские диссертации Д. А. Ольдерогге («Кольцевая связь родов или трехродовой союз») и Н. Н. Чебоксаровым («Северные китайцы и их соседи»)⁶³. Благоприятные условия для подготовки кадров научных работников были созданы включением Института этнографии в число тех научных учреждений Советского Союза, которым предоставлялось право присуждения ученой степени кандидата наук и представления к ученой степени доктора наук⁶⁴.

Важнейшим событием в этнографической науке было возобновление экспедиционных работ⁶⁵. В них наряду с сотрудниками Института этнографии принимали участие студенты-этнографы Московского университета. Так, в августе — октябре под руководством Е. М. Шиллинга состоялась трехмесячная экспедиция в аваро-андидойские районы Дагестанской АССР, в которой помимо сотрудников Института работали 12 студентов МГУ⁶⁶. Совместно с МГУ была проведена под руководством Н. Н. Чебоксарова экспедиция в Полтавскую область⁶⁷. Фольклорно-этнографической экспедицией в Московскую область руководил В. И. Чичеров⁶⁸. В различные республики Средней Азии выезжали С. М. Абрамзон (в Киргизию), этнограф из Ташкента В. Г. Мошкова (в Каракалпакию), Г. Г. Стратанович (в Киргизию)⁶⁹. Состоялись поездки в Приаралье Е. Э. Бломквист, на Алтай Л. П. Потапова, в Смоленск и Новгород М. Г. Рабиновича⁷⁰. Велась подготовка Чукотской экспедиции.

За героическую работу в годы войны орденами и медалями был награжден ряд сотрудников Ленинградской части Института и Музея⁷¹.

1945 г., год победы над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне, ознаменовался для советской этнографии новыми значительными успехами в области научных исследований и совершенствования ее организационной структуры.

⁵⁸ Там же, лл. 13, 25.

⁵⁹ Там же, лл. 26—32.

⁶⁰ Там же, л. 27.

⁶¹ Там же, д. 37, л. 2.

⁶² Там же, д. 25, лл. 6, 44.

⁶³ Там же, л. 43.

⁶⁴ Там же, д. 35, лл. 2, 3.

⁶⁵ Там же, д. 25, л. 3.

⁶⁶ Там же, д. 23, л. 5; д. 25, л. 34.

⁶⁷ Там же, д. 23, л. 7; д. 25, л. 34.

⁶⁸ Там же, д. 23, л. 13; д. 25, л. 34.

⁶⁹ Там же, д. 25, л. 35.

⁷⁰ Там же, д. 23, лл. 1, 14, 17, 21; д. 25, л. 34.

⁷¹ Там же, д. 25, л. 4; д. 26, л. 1.

В мае была завершена реэвакуация сотрудников Института этнографии из Ташкента и других городов в Ленинград⁷². Одновременно штат Института был увеличен на 25 единиц и достиг 106 человек (41 в Москве и 65 в Ленинграде), в их числе 12 заведующих секторами, 25 старших (11 в Москве и 14 в Ленинграде) и 24 младших научных сотрудника (11 в Москве и 13 в Ленинграде), технические работники⁷³.

Значительно увеличилось число подготавливаемых на кафедре этнографии МГУ молодых специалистов, где продолжали читать лекции С. П. Толстов (зав. кафедрой), Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев, В. И. Чичеров, Б. И. Шаревская, Е. М. Шиллинг и другие ученые Института этнографии. Постепенно стала разворачиваться этнографическая деятельность в учреждениях союзных и автономных республик, крупных университетских городах. Однако ее результаты стали особенно заметны только в последующие годы⁷⁴.

Одним из важнейших событий в советской этнографии в 1945 г. было открытие после вызванного войной перерыва Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде. В пяти его залах была развернута выставка, характеризовавшая развитие русской этнографии и антропологии со времени основания Академии наук. Несмотря на трудности, связанные с восстановлением Музея, было выставлено значительное число предметов, хранящихся в его фондах. Одновременно продолжалась работа по приведению в порядок коллекций⁷⁵.

Научный план Института на 1945 г. предусматривал продолжение начатых в предыдущем году исследований и разработку новых проблем. Были запланированы исследования этнического состава народов мира, создание обобщающих этнографических трудов и монографий, разработка проблем этногенеза, истории этнографической науки, музейная и библиографическая работа. В план научно-исследовательских работ Академии наук были включены подготовка томов серии «Народы мира», составление этнографической карты Европы под руководством С. П. Толстова, С. А. Токарева, П. И. Кушнера и Н. Н. Чебоксарова, комплексная экспедиция на Чукотку под руководством Г. Ф. Дебеца и др.⁷⁶.

В 1945 г. был завершен ряд крупных исследовательских работ. В основном закончилась подготовка четырех томов серии «Народы мира» и двух томов «Трудов» Института: посвященного памяти А. Грдлики и Ф. Боаса (авторы Я. Я. Рогинский, Н. Н. Чебоксаров, М. Г. Левин, Г. Ф. Дебец, Ю. П. Аверкиева, С. И. Руденко, А. А. Попов и др.) и посвященного памяти Д. Н. Анучина (авторы М. Г. Левин, С. П. Толстов, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов, Н. Н. Чебоксаров и ряд археологов из других научных учреждений)⁷⁷. Для издания в серии «Труды Института этнографии» были подготовлены монографии Г. Ф. Дебеца («Палеоантропология СССР») и А. А. Попова («Нганасаны»). Было завершено составление IX тома «Сборника Музея антропологии и этнографии»⁷⁸. Среди выполненных следует назвать работы Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология германцев раннего средневековья», «Дунгане», «Ильменские поозеры»; В. Н. Белицер «Национальный костюм удмуртов» (кандидатская диссертация), В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья», М. О. Косвена «Матриархат», Д. К. Зеленина «Чехи и словаки», М. Г. Рабиновича «Военная организация и связь в русском войске до XV в.» и др.⁷⁹. Кроме того, к концу года было выполнено 30 внеплановых работ⁸⁰.

⁷² Там же, д. 51, л. 2.

⁷³ Там же, д. 45, лл. 4, 5.

⁷⁴ Более подробными данными, в том числе о работе кафедры этнографии Ленинградского университета, автор настоящей статьи, к сожалению, не располагает.

⁷⁵ Архив ИЭ, д. 45, л. 3, 3 об.

⁷⁶ Там же, лл. 5 об., 6.

⁷⁷ Там же, д. 44, лл. 3, 5.

⁷⁸ Там же, д. 45, лл. 24 об., 25.

⁷⁹ Там же, д. 44, лл. 9—35.

⁸⁰ Там же, д. 45, лл. 12, 13.

В 1945 г. появились, наконец, этнографические публикации. Были изданы путеводитель по вновь открытой выставке Музея антропологии и этнографии и брошюра А. Липман «Петровская кунсткамера». Увидели свет работы С. П. Толстова «Древняя культура Узбекистана», С. А. Токарева «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.», О. В. Ионовой «Очерки по истории Якутии»⁸¹.

Значительной активностью отличалась деятельность Ученого совета Института этнографии и его секторов. Так, за год прошло 16 заседаний совета, всего же в Институте было заслушано 120 научных докладов⁸². В их числе доклады С. В. Иванова («Стенная роспись у горных таджиков»), Б. А. Рыбакова («Славянское языческое искусство»), Я. Я. Рогинского («Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии»), С. А. Токарева («Языки Австралии»), Е. М. Шиллинга и Е. Э. Бломквист, рассказавших о результате экспедиционных работ. Состоялось заседание Ученого совета, посвященное памяти А. Грдлички и Ф. Боаса⁸³.

С марта 1945 г. на Ученом совете Института этнографии начались защиты докторских и кандидатских диссертаций. За год было защищено шесть диссертаций: две докторские (Д. А. Ольдерогге — «Трехродовой союз (кольцевая связь родов)» и казанский этнограф Н. И. Воробьев — «Казанские татары»), четыре кандидатские (П. И. Кушнер — «Западная часть литовской этнографической территории», М. Н. Гринблат — «О западной этнографической границе Белоруссии», Г. Е. Стельмах — «Крестьянское жилище на Украине» и В. Н. Белицер — «Национальный костюм удмуртов») ⁸⁴.

Успешно проходила подготовка докторантов и аспирантов. К концу 1945 г. в докторантуре Института было 13 человек (11 в Москве и 2 в Ленинграде), а аспирантуре 29 (22 в Москве и 7 в Ленинграде)⁸⁵.

В 1945 г. широко развернулись и полевые исследования. Работали 14 этнографических и антропологических экспедиций, в которых участвовали сотрудники Института этнографии и студенты кафедры этнографии МГУ. Был собран богатый материал по антропологии, материальной и духовной культуре народов СССР. Началась подготовка зарубежной экспедиции в балканские страны⁸⁶.

Продолжала работу, начатую еще до войны, Хорезмская комплексная экспедиция, этнографическим отрядом которой руководила Т. А. Жданко. Состоялись Чукотская комплексная экспедиция (руководитель Г. Ф. Дебеч), Антропологическая экспедиция в Закарпатье (В. В. Бунак), Якутская антропологическая экспедиция (М. Г. Левин), Печорская комплексная экспедиция (Н. Н. Чебоксаров), экспедиция в Закарпатскую Украину (В. Ю. Крупянская), Дагестанская экспедиция (Е. М. Шиллинг); три этнографических отряда работали на Украине под руководством С. А. Токарева, Б. А. Рыбакова и И. Ф. Симоненко; были осуществлены поездки к карелам Калининской области (Г. С. Маслова), дунганам (Н. Н. Чебоксаров), таджикам (Е. М. Пещерева) и др.⁸⁷

Работа советских этнографов была высоко оценена партией и правительством. В связи с 220-летием Академии наук СССР 21 сотрудник Института этнографии был награжден орденами и медалями, 27 человек удостоены Почетных грамот Президиума АН СССР⁸⁸.

Завершение крупных исследований, начатых советскими этнографами еще в довоенное время и продолженных в годы войны, осуществлялось уже в первые послевоенные годы. Одновременно были выдвинуты

⁸¹ Там же, лл. 24 об., 25.

⁸² Там же, л. 22.

⁸³ Там же, д. 46, лл. 1—1 об., 2.

⁸⁴ Там же, лл. 1 об., 2.

⁸⁵ Там же, д. 45, лл. 24 сб., 25.

⁸⁶ Там же, л. 3 об.

⁸⁷ Там же, лл. 13—16.

⁸⁸ Там же, л. 26.

новые крупные научные проблемы, потребовавшие координации усилий всех советских этнографов. Пожалуй, наиболее характерными явлениями для советской этнографии первых послевоенных лет были: количественное и качественное расширение исследований в области этнографии, в которые все в большей мере вовлекались ученые из союзных и автономных республик и областей; начало публикации этнографических работ; значительное расширение экспедиционной деятельности. Крупными научными центрами становились этнографические учреждения при союзных академиях и филиалах АН СССР, кафедры университетов, прежде всего кафедры этнографии Московского и Ленинградского университетов. Продолжалась подготовка специалистов-этнографов. С 1946 г. при кафедре этнографии МГУ была открыта аспирантура. Университетские кафедры стали принимать активное участие в научных исследованиях и экспедициях академических учреждений, а несколько позже, с 1948 г., развернули и собственную экспедиционную деятельность.

К 1946 г. в Институте этнографии было 11 секторов и отделов: Славяно-русский; Неславянских народов; Сибири; Востока; Кавказа; Америки, Австралии и Океании; Африки; Антропологии; Этнической статистики и картографии; Фольклора; Комиссия по этногенезу (первые семь секторов имелись как в Москве, так и в Ленинграде)⁸⁹.

Выполняя запланированные еще в годы войны исследования, сотрудники Института в 1946 г. продолжали изучение этнического состава мира, подготовку обобщающих трудов и монографий и пр. Разработку ряда тем, начатая во время войны, была завершена⁹⁰. Из числа наиболее крупных завершенных исследований можно назвать труды Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» (опубликован в 1948 г.), С. П. Толстова «Древний Хорезм» (опубликован в 1948 г. и удостоен Государственной премии), работы М. Г. Левина по антропологии народов Северной Азии, Н. Н. Чебоксарова по исследованию этнической антропологии Восточной Азии. Были подготовлены рукописи, представленные в качестве диссертаций Л. И. Лавровым «История абазинского народа», Л. П. Потаповым «Алтайцы» (защищена в том же году) и др.⁹¹.

В 1946 г. в Музее антропологии и этнографии были восстановлены постоянные экспозиции — «Африка», «Происхождение человека и первобытного общества», открыты выставки — «Айны», «Кочевые народы Средней Азии, Афганистана и Ирана», «Народы Индонезии», а также выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая⁹².

Оживленно проходила научная жизнь в обеих частях Института. В 1946 г. были проведены сессии по вопросам собирания и изучения славянского фольклора Отечественной войны и теоретическим проблемам этнографии, конференция по итогам экспедиционных работ, заседания, посвященные памяти В. Г. Богораза-Тана⁹³ (за год было обсуждено 120 докладов, из них 65 в Ленинграде). Активно работали ученые советы обеих частей Института (за год было заслушано 120 докладов, в том числе 65 в Ленинграде) и сектора⁹⁴.

В 1946 г., после перерыва, вызванного войной, возобновилась издательская деятельность. Вышли в свет четыре номера сборника «Советская этнография»⁹⁵, первый выпуск «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР». Были сданы в печать монографии, второй и третий выпуски «Кратких сообщений», 10-й и 11-й тома сборника МАЭ и другие работы⁹⁶. Первоочередными стали следующие задачи: увели-

⁸⁹ Там же, д. 70, л. 6.

⁹⁰ Там же, д. 71, лл. 1 и сл.

⁹¹ Там же, д. 74, лл. 19—27.

⁹² Там же, д. 72, л. 30.

⁹³ Там же, д. 74, л. 58.

⁹⁴ Там же, лл. 10 об., 30.

⁹⁵ Там же, л. 10.

⁹⁶ Там же, д. 70, л. 58; д. 74, л. 38.

чение в изданиях Института числа работ, посвященных важным теоретическим проблемам; публикация работ этнографов из университетов, республиканских и областных научных учреждений; публикация материалов экспедиционных исследований⁹⁷.

Успешно разворачивалась работа по подготовке научных кадров. К концу 1946 г. в Институте проходили подготовку 10 докторантов (9 в Москве и 1 в Ленинграде) и 33 аспиранта (23 в Москве и 10 в Ленинграде). При этом наметилась явная тенденция к сокращению числа докторантов и резкому увеличению числа аспирантов⁹⁸. Однако по ряду специальностей: этнография народов Прибалтики, Европы и Океании, финно-угорским народам — аспирантов было недостаточно. В 1946 г. были защищены 1 докторская (Л. П. Потапов) и 6 кандидатских диссертаций⁹⁹. Всего же за год было рассмотрено и обсуждено 2 докторские и 10 кандидатских диссертаций¹⁰⁰.

Исключительно большой размах приобрела в 1946 г. экспедиционная деятельность: состоялись 14 экспедиций и 9 тематических поездок¹⁰¹.

Вскоре после окончания войны начали развиваться контакты с иностранными учеными, прежде всего из социалистических, а несколько позднее и капиталистических стран¹⁰².

Необходимо также отметить, что в годы войны и после ее завершения Институт подготовил и представил в соответствующие организации значительное число записок с характеристикой этнической ситуации в различных районах Европы и Азии.

Рассмотрение деятельности советских этнографов в последующие годы выходит за рамки поставленной в настоящей статье темы. Однако следует еще раз подчеркнуть, что многие успешно решавшиеся в конце 1940-х — 1950-х годах научные проблемы были поставлены и стали разрабатываться еще в военные годы. Это было отмечено на первом послевоенном совещании этнографов в 1951 г. в Москве, в котором приняли участие ученые 23 национальностей — представители 10 академий союзных республик, 9 филиалов АН СССР, 7 университетов, более двух десятков музеев¹⁰³.

Большинство трудов, написанных советскими этнографами в годы войны, не потеряли своего значения и в наши дни. Более того, многие из них вошли в золотой фонд советской этнографической науки.

⁹⁷ Там же, д. 83, л. 1.

⁹⁸ Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 8, примеч. 5.

⁹⁹ Архив ИЭ, д. 83, лл. 2, 6.

¹⁰⁰ Там же, д. 74, л. 58.

¹⁰¹ Там же, д. 70, лл. 7, 8.

¹⁰² Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 16.

¹⁰³ Жданко Т. А. Этнографическое совещание 1951 г. — СЭ, 1951, № 2; Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 16.